

КРИТИКА ДОЛЖНА ПОМОГАТЬ

Сов. артист — 1960. — 21 Дек.

В. ИВАНОВСКИЙ,
народный артист РСФСР

МНЕ КАЖЕТСЯ правильным, что наконец-то редколлегия нашей газеты «Советский артист» взволновал случай замены спектакля «Декабристы» 14 октября и уже в нескольких номерах газеты помещаются статьи весьма уважаемых товарищей по поводу этого случая.

Я пишу «наконец-то», так как случаи замены спектаклей в нашем театре (да и не только в нашем) были раньше, к великому сожалению, продолжают и, очевидно, будут продолжаться. Я имею в виду последние случаи замены спектакля «Риголетто» 9 декабря в связи с болезнью З. Анджапаридзе и А. Григорьева и оперы «Мать» в связи с болезнью В. Борисенко и А. Григорьева.

Нужно с этим бороться? Безусловно.

Процесс замены спектаклей, объявленных в афише, — это брак в производстве театра. Необходимо идти на самые крайние меры, чтобы сохранять название на афише, вплоть до приглашения достойных исполнителей из других театров. Мне кажется, что за замену спектакля должна нести ответственность и дирекция театра (я вспоминаю Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, где замена спектакля лишала административно-художественный состав всяких денежных премий).

Но вернемся к случаю замены спектакля «Декабристы». Я самым категорическим образом утверждаю, что ни один человек не переживает так сильно замену, как сам артист — участник спектакля, по «вине» которого происходит эта замена. Я не хочу приводить примеры из дореволюционного театра и ссылаться на далекое прошлое. Вряд ли это целесообразно.

Наш советский театр зиждется на совершенно новых принципах, и советские артисты — люди иных моральных устоев, иной психологии. У нас нет и не должно быть никаких закулисных интриг. Я даже в мыслях своих не могу представить, что в нашей труппе может быть артист, который недостаточно ответственно относится к себе и к театру. И здесь реплики весьма уважаемого В. Хайкина о том, что у нас есть артисты, «которые любят лечиться когда нужно и когда не нуж-

но», и что мы бегаем в поликлинику, чтобы «заполучить какую-нибудь болезнь», звучат глубоко оскорбительно не только для нас, артистов, но и для всех врачей. Такая критика не может помочь общему делу.

Статья В. Хайкина «Еще раз об ответственности» очень взволновала коллектив оперы. И в самом деле: ведущий дирижер с большим стажем, который много лет возглавлял крупные оперные театры, высказывает мысли, на наш взгляд, совершенно неприменимые к музыкальному театру.

Ну как можно сравнивать артистов оперы, вокалистов с артистами драмы? Ведь пение и речь — различные физиологические процессы. Пусть не обижаются на меня артисты драмы, но если у драматического артиста нездоров голосовой аппарат, он все-таки может провести свою роль. В драме возможны случайные паузы, задержки и т. д. В опере это исключено.

В. Хайкин пишет, что при любом состоянии голоса и нервов певец «должен петь спектакль, с каким бы риском это ни было связано». Мы все, участники спектакля «Чародейка», который шел впервые в Киеве 10 ноября, когда артист Л. Ктиоров в **большом состоянии** пел небольшую партию Кичиги, были потрясены и безумно волновались и за спектакль и, конечно, за него, безукоризненного производственного и товарища. К чему это привело? Л. Ктиоров первую фразу спел на октаву ниже, следующую проговорил, а дальше просто молчал, стоя на сцене (обо всем этом известно В. Хайкину).

В. Хайкину кажется странным, что певец, который провел за день до спектакля оркестровые репетиции, через день заболел. «Как же это можно!» — говорит он. Да, к сожалению, бывает так, и от певца это не зависит.

Недавний случай со мной. После трахеита, в день спектакля «Борис Годунов» я попробовал голос. Он звучал. Перед спектаклем стал распеваться, и голос «сел» — я петь не мог. Пришлось вызывать артиста Ф. Пар-

хоменко, который отнесся по-товарищески и спел за меня спектакль. Другой пример: покойный артист Г. Нэлепп во время спектакля «Пиковая дама» после первой арии Германа ушел со сцены, и партию за него допевал другой артист.

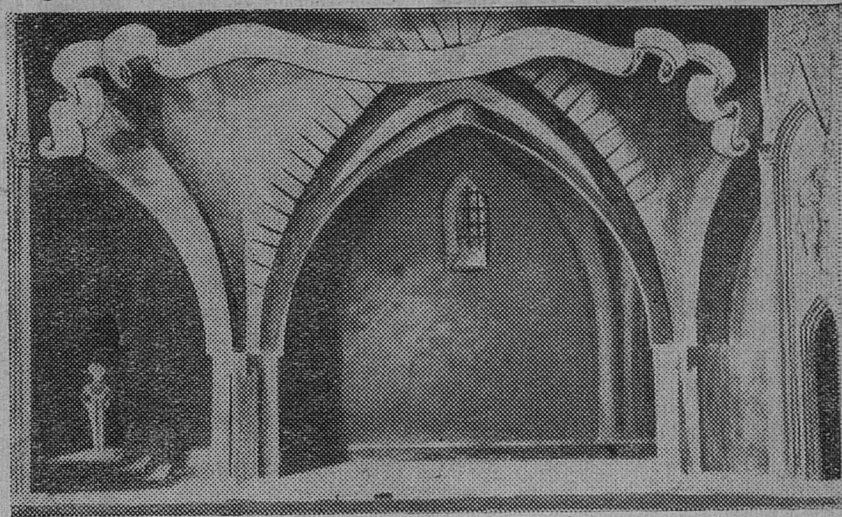
Что же, этого хочет В. Хайкин? Может ли при таком положении спокойно чувствовать себя стоящий за пультом дирижер, нужны ли такие спектакли нашим зрителям, к лицу ли они Большому театру? Я уже не говорю о здоровье артиста и его дальнейшей судьбе, так как подобные выступления могут привести к потере голоса.

Далее В. Хайкин выступает как ярый противник вторых (как он пишет) составов. Вряд ли в этом вопросе он встретит союзников среди артистов. Конечно, дирижеру куда проще, сообразуясь со своими требованиями и вкусом, подобрать исполнителей в одном составе и, сделав с ними спектакль, в дальнейшем почивать на лаврах и переключиться на педагогическую и концертную деятельность в консерватории и филармониях.

Нам кажется, что весь процесс подготовки спектакля с одним составом, о котором так великолепно пишет в своей статье Борис Эммануилович, должен проводиться как минимум с двумя составами. Но В. Хайкин, очевидно, тверд в своих взглядах на количество составов, и случай замены спектакля «Мать», которым он руководит, подтверждает это (я имею в виду незастрахованную партию Купчика: А. Ильин переведен на пенсию, А. Григорьев заболел).

Подводя итог под эту часть статьи В. Хайкина, мне хочется задать вопрос: в чем же все-таки ответственность артиста? В том, что он, будучи безусловно больным, не считает возможным позорить театр и не поет спектакль, или же, следуя заветам В. Хайкина, он должен идти заведомо на брак с возможными серьезными последствиями?

Мне хотелось бы, чтобы наши уважаемые артисты — П. Лисицян, Ал. Иванов, И. Петров, В. Фирсова, А. Кривченко, А. Огнивцев и другие — выступили на страницах нашей газеты «Советский артист» по этому вопросу.

НА СНИМКЕ: макет второй картины третьего акта оперы «Фауст». Художник — В. Рындин.

Я не могу опустить и ту часть статьи В. Хайкина, которая относится к нашей поликлинике и работе ее медперсонала. Он пишет: «мне приходится вторгнуться в сферу, в которой я совсем некомпетентен, — в медицину». Нам кажется, что напрасно автор все-таки вторгся в эту сферу. Откуда известно В. Хайкину, какие разговоры ведем мы, артисты, с докторами, возникают ли у нас разногласия по поводу состояния здоровья или нет?

Напрасно В. Хайкин так легкомысленно смотрит на выписку бюллетеня. В нашей поликлинике работает исключительно квалифицированный и честный медперсонал, который с большим вниманием и заботой относится ко всем работникам театра. Замечание же его о том, что на долю врача остается только выписать бюллетень, и это — «дело нехитрое», наводит тень на честных и преданных своему делу людей.

Бюллетень — документ, за выписку которого врач несет ответственность. Бюллетени выдаются только больным людям.

Нам кажется довольно странным, что редколлегия газеты разрешает печатать подобные высказывания, и уже совершенно недопустимо следующее (цитирую полностью): «Но что это за болезнь, которая возникает в день спектакля и бесследно исчезает назавтра, после спектакля? А сам «носитель болезни» может по выбору играть в карты, солить на даче огурцы, съесть тройную порцию мороженого и вообще в любой форме наслаждаться

жизнью. Я думаю, что таких «носителей» было бы гораздо меньше, если бы они не имели верного союзника в виде бюллетеня, который в любой момент к их услугам».

Если это образцы остроумия, то мы должны принять их, как вымысел. Если нет, то это оскорбление! Кто, когда и где видел, чтобы больной певец ел мороженое? Нельзя же так бросаться словами, нужно за них отвечать и подкреплять конкретными фактами с указанием фамилий (если таковые, конечно, имеются).

Горячая любовь к театру, защита его интересов не дают, однако, права вести критику в такой стилистической форме. Кроме того, критика не должна быть односторонней. Мы ничего не прочли в статье В. Хайкина, что же он намерен сделать со спектаклями, которыми он дирижирует, чтобы они не слетали с афиши?

Мы за критику, но товарищескую, доброжелательную. Нельзя забывать, и тем более дирижерам, что артист-певец — фигура не «тепличная» и что состояние нервов у певца тесно связано с голосом, и хочет ли певец этого, или нет, но после нервного потрясения он петь может не всегда, а бывает, что не может и продолжительное время.

Хочется надеяться, что наша дискуссия по поводу ответственности поможет всем — и артистам, и дирижерам, и руководителям — еще лучше служить своим искусством народу, к чему мы все так горячо и искренне стремимся.